

Ортопед сказала:
— Девочке надо укреплять мышечный корсет. Позвоночник кривой потому, что мышцы его не держат. Нету мышц. В бассейн запишитесь.

Мама ответила извиняющимся тоном:

— Вы знаете, бассейн далеко от дома, одну я ее не отпущу туда ездить, а сама работаю с утра до вечера.

— А на ЛФК ходите?

— Да, ходит, ходит, к вам же в поликлинику и ходит...

Кажется, мама хотела добавить: «Да все без толку». Но промолчала.

— Так, есть тут у меня один человек. Тренер в фитнес-клубе, — сказала ортопед. — Я ему позвоню. Может, что-нибудь получится.

Я от всей души пожелала, чтобы ничегошеньки не получилось. Чтобы ортопед случайно выбросила в мусорное ведро бумажку с нашим телефоном. Или чтобы «один человек» уехал по очень

срочным делам в другой город. Или чтобы в клубе отключили свет... Не будут же люди в темноте заниматься физкультурой?

Но ортопед положила бумажку в сумочку и уже на следующий вечер позвонила маме. Мы пошли в магазин и купили кроссовки. Не малиновые, как я хотела, а обычные, скучные.

И вот мы стояли перед дверью, глядя на плакат с потным квадратным мужчиной. Рельеф его живота напоминал черепаший панцирь, а руки были сплошь в бицепсах и трицератопсах... то есть трицепсах. Под мужчиной было написано: «Фитнес-клуб "Геркулес"».

— Нам сюда? — спросила я, надеясь, что мама ошиблась. Но она не ошиблась.

Внутри клуба оказалось еще много квадратных мужчин и даже одна женщина, почти не квадратная. А вот тощих двенадцатилетних девочек в очках и скучных кроссовках там, увы, не было!

К нам подошел тот самый «один человек». Ему-то мама, сразу уменьшившись в размерах, объяснила, что насчет этой вот девочки Нади ему звонила Наталья Борисовна и что у Нади нарушение осанки и совершенно нет в спине мышц. Я с ужасом смотрела на квадратного дядьку, не в силах поверить, что мама действительно оставит меня ему на растерзание. А он совсем не удивился. Как будто каждый день к нему приводили тощих двенадцатилетних девочек.

Наше появление не осталось незамеченным. На мгновение перестали стучать друг о друга железки, стих зубовный скрежет. А потом все поехало дальше. Напряглись трицератопсы, покраснели лица, слышались криканы и кряхтенья.

С радостью утопающего я уцепилась взглядом за единственную женщину в зале, которая поднимала ногами какую-то штуку. Явно очень тяжелую, потому что на лицо женщины нельзя было смотреть без сострадания.

— Ну, ладно, Наденька, я пошла, — сказала мама, — будь умницей. Дорогу запомнила?

— Да, — прошептала я. Голос мой провалился в живот.

— Меня зовут Сергей Макарыч, — представился тренер.

— Надя, — прошептала я, хотя уже и так было понятно, что я Надя.

— Ты, Надь, не стесняйся. Главное что? Главное — иметь четкий план тренировок. Когда есть план — это уже полдела!

И мы стали ходить от тренажера к тренажеру. В памяти всплыли пыточные орудия из фильма про средневековье, который я смотрела летом. Вернее, досмотрела я этот фильм как раз до появления в кадре пыточных орудий, а потом мне стало как-то неинтересно, и я ушла к себе в комнату. А надо было поинтересоваться!

— Садись, — вдруг сказал Сергей Макарыч.

Я послушно села на тот самый тренажер, где недавно занималась бедная женщина. Тренер снял несколько дисков, чтобы нагрузка соответствовала моей хлипкости.

— Так, ложись и подними ногами перекладину. Тут работают верхние бедренные мышцы!

«Не обязана я иметь всякие такие мышцы», — подумала я и честно попыталась сделать, как он сказал. Ничего не получилось. Очки сползли на кончик носа. Тренер снова снял два диска, и лишь тогда ноги согласились приподнять железки на две секунды. А когда эти секунды прошли, диски тут же брякнулись обратно с позорным грохотом.

На каждом из пыточных агрегатов Сергею Макарычу пришлось ставить для меня минимальную нагрузку. Я поправляла очки, изо всех сил старалась не корчиться и кое-как выжимала, поднимала, притягивала. По-моему, завсегда и «Геркулеса» ухмылялись. Уж те, что были на плакатах, висевших по стенам, ухмылялись совершенно точно. А вот Сергей Макарыч талантливо изображал энтузиазм. А ведь мог бы сразу сказать, что делать мне в его клубе нечего, потому что я совершенно безнадежна в мышечном смысле.

После обхода владений Геркулеса я потащила мыть руки. В теле начинались возмущения. Я скрючилась, чтобы не видеть в зеркале над раковиной лицо — красное, мокрое и несчастное.

Тренер принес лист бумаги, на котором было расписано, что именно и по сколько раз я должна совершить на пыточных агрегатах.

— Вот, держи. В следующий раз начнешь. После занятий обязательно ешь творог. Мышцы у тебя будут расти как на дрожжах, — сказал он и улыбнулся.

Все-таки неплохой человек, хоть и квадратный. Верит в меня. Но домой я пришла в расстроенных чувствах.

— Ну что, как позанималась? — спросила мама, вернувшись с работы.

— Тяжеловато вообще, — ответила я.

— Сначала всегда так, а потом мышцы появятся, и будешь все эти гири поднимать как пушинки.

— Мама, нет там никаких гирь, — сказала я, — там тренажеры.

На следующее утро я стала кряхтеть и крякать, как дядьки в клубе: болели все части тела, кроме головы. Мама сказала: «Это крепатура», намазала меня кремом с веселым названием «Бодяга» и отправила в школу, невзирая на страдания.

Когда я пришла заниматься в следующий раз, Сергея Макарыча не было. Значит, мне предстояло самой разбираться с тяжелыми дисками, регулирующими нагрузку. Женщина-страдалица тоже в этот день отсутствовала. Я тщетно попыталась сдернуть проклятые железяки со стойки. И пока я это делала, весь клуб на меня косился, это уж точно.

— Ладно! — сказала я вслух и подошла к мужчине, который, как заведенный, качал пресс неподалеку. Дождавшись, когда кончится завод, я попросила:

— А вы мне не поможете диски снять, пожалуйста?

Заводной мужчина посмотрел на меня не слишком радостно. Но все-таки сказал: «Сделаем» — и одним мизинцем снял диски со стойки. Ну, это так говорится просто — «одним мизинцем». На самом деле-то, конечно, одной левой.

Кое-как справившись с первым упражнением, я перешла как раз к тому тренажеру, где до этого занимался мой помощник. Надо было сразу попросить его скинуть нагрузку. Позанимался сам — помоги тощим! Пришлось выбирать себе нового ассистента, потому что предыдущий ушел качать другую группу мышц.

— Извините, вы мне не поможете диски снять, пожалуйста? — обратилась я к огромной спине в синей футболке.

На обратной стороне спины оказалось такое лицо, что я тут же пожалела о своей просьбе. Оно тоже было оттуда — из средневековья, с впечатляющей биографией и затейливой географией.

Повсюду на этом лице пролегли дороги шрамов, возвышались бугры шишек, а посередине торчала глыба не единожды сломанного носа.

— Как? — переспросил титан в синей футболке, и я поняла, что просто не могу повторить свою просьбу.

— Ничего, ничего, извините, — пробормотала я и попятилась на свое место.

К счастью, некоторые посетители клуба еще не оквадрились окончательно, и один из них все-таки помог мне укротить очередную камеру пыток.

— Ты как тут оказалась? — спросил он, подстраивая тренажер.

— Это все ортопед, — ответила я.

— Бывает же, — протянул он. — Ладно, не стесняйся, зови, если что. Меня Иваном звать.

— Спасибо. Я Виолетта, — ответила я.

Иван усмехнулся и покачал головой. Наверное, не поверил. Да, Виолетта, несомненно, носила бы малиновые кроссовки. Да и вообще, вряд ли ей потребовались бы мышцы. С таким именем не живут, а царят!

Я сначала не хотела рассказывать о новом занятии Женьке, но потом не выдержала и выложила все. Мы раньше учились вместе, а потом Женьку перевели в «эстетический» класс. Я осталась в неэстетическом. На переменах мы, конечно, здоровались, но у Женьки там сразу появилась своя компания, и я к ним не лезла. Зато мы каждый день старались идти домой вместе, чтобы как раньше было. Только, конечно, как раньше уже не было.

Женька так хохотала, представляя мои брожения среди квадратных мужчин, что я тоже улыбнулась.

— Надька, не грусти, зато с кучей спортсменов познакомилась! По каким дням страдаешь?

— В среду и в пятницу.

— Эх, жаль. В среду у меня бисероплетение, а в пятницу — хор. А то бы могла у меня посидеть в это время.

Бисероплетение, хор! Вот чем надлежит заниматься двенадцатилетним барышням. А я вместо этого поднимаю стопудовые диски.

Папе жаловаться было бесполезно. С тех пор как они с мамой разошлись, все, что касалось меня, она решала сама.

— Держись, котёна, — сказал папа, и я услышала на том конце провода вздох, — прямая спина — это ведь действительно важно.

Прямая спина многим людям выдавалась вместе со свидетельством о рождении. А мне вот не повезло.

С мрачными мыслями я брела на очередную «тренировку», когда на глаза мне попались разноцветные буквы: «Библиотека № 2». Чуть ниже было приписано: «Детская».

Я поднялась на крыльцо, еще не зная, что это мое спасение, но чувствуя острую необходимость записаться в эту самую библиотеку. Уже через пятнадцать минут я уселась в читальном зале со стопкой книг. Два часа, отведенные на физическую культуру и дорогу домой, прошли быстро. Гораздо быстрее, чем в «Геркулесе». Там время тащилось, словно придавленное стопудовым диском.

С того знаменательного дня я уходила на тренировку с легким сердцем. Библиотека превратилась в мое тайное убежище. Я решила прочитать все книги из школьной программы за четверть — все-таки надо было извлечь из этой некрасивой ситуации пользу. Мешок с бестолковыми кроссовками и спортивным костюмом я оставляла в гардеробе вместе с угрызениями совести. Нет, разумеется, мне было стыдно. Но только после того, как я выходила из библиотеки. Я шла домой, отгоняя мысли о своей неблагодарности и лживости, а в мешке болтались кроссовки, здорово приплюсненные книгами. Надо сказать, не так уж легко было нести этот мешок. Я постоянно переключивала его из правой руки в левую. А дома тайно выгружала свои сокровища, как вор — награбленное добро.

Я очень радовалась, если мне удавалось занять зеленое кожаное кресло в углу читального зала. К сожалению, туда не разрешали забираться с ногами, но все равно чтение книги в этом кресле превращалось в настоящее удовольствие. Я брала в кресло «Трех мушкетеров» Дюма и «Миллион приключений» Булычёва, «Собор Парижской Богоматери», сказки про муми-троллей, «Человека-амфибию», Жюль Верна и Джека Лондона. Библиотекари,

наверное, очень радовались такой пунктуальной и верной читательнице.

Через некоторое время я заметила, что книжки стало носить легче. Я могла протащить сумку до остановки в правой руке и только потом перемещала ее в левую. Значит, какие-то мышцы у меня все-таки появились!

Закончилась книжная идиллия неожиданно и нелепо. Мама, у которой вдруг случился выходной, решила проводить меня до «Геркулеса» и заодно оплатить следующий месяц тренировок. Я говорила ей, что сама в состоянии донести деньги до клуба, что дорога скользкая, и холодно, и что дома гораздо лучше. Мама, наверное, почуяв неладное, стала собираться еще более решительно. Я шла за ней, еле передвигая ноги, и представляла себе табличку «Закррито» на двери клуба. Только на силу мысли и оставалось надеяться. Или на чудо.

— Мам, а можно я туда больше не буду ходить? — выпалила я, когда мы уже подошли к дверям «Геркулеса», на которых, конечно, не оказалось никакой таблички.

— Почему?

— Ну... Мне там не нравится.

— Надюша, ты же знаешь, это полезно для спины. Ты же не хочешь всю жизнь ходить кривая, как... — она явно хотела сказать «как твой папа», — как вопросительный знак?

— Зато у меня уже две пятерки по литературе! — воскликнула я в отчаянии.

— Зато — за что?

Тут, как назло, дверь «Геркулеса» открылась, и оттуда вышел Сергей Макарыч, чей квадратный образ я уже начала забывать.

— О-па, Надя! Чего так долго не приходила? Болела?

После того как Сергей Макарыч сморозил такую чудовищную глупость, мама со мной не разговаривала два дня. Ну, вернее, два утра и два вечера, потому что днем мы не виделись.

На третий день я сидела в своей комнате и читала смешную книжку писателя со странным именем О. Просто О. Генри. Если бы между «О» и «Генри» стояла запятая, все было бы понятно. Но, собственно, с точкой было даже веселее. Мне никак не удавалось погрузиться в книгу, потому что О. не давал мне

покою: «Привет, О. Вы не видели О.? О. уже ушел. Расскажите нам про О.».

Тут пришла мама, села на кровать и сказала:

— Выпрями спину.

А потом спросила:

— И сколько ты книг за это время прочитала?

— Двадцать девять, — ответила я.

— Папина дочка, — сказала мама. — Слушай, а если папа сможет тебя водить в бассейн, ты будешь ходить?

— Да, мам, буду. Прости меня, пожалуйста.

— Точно будешь? Или через два месяца я узнаю, что ты все это время рисовала картины при Академии художеств?

— Мам, буду. Бассейн — это же не «Геркулес». Там не надо качать мышцы. Туда ходит одна девочка из нашего класса, Марина, я попрошусь с ней в одну группу.

— Тренер вернул мне деньги и сказал, что не надо было тебя туда пихать, — сказала мама тихо.

— Мама, я пока носила книги, стала реальной силачкой.

— Реальной силачкой, — смеясь, передразнила меня мама.

Мы обнялись и долго сидели, прижавшись друг к другу. Наконец-то вся эта история закончилась. И папа будет со мной три раза в неделю вместо одного. Может быть, получится... вечером... зайдет к нам...

— А что скажем ортопеду? — спросила я.

— Что ты прочитала двадцать девять книг, — улыбнулась мама.